

*ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ: СООТНОШЕНИЕ КОНЦЕПТОВ В КОНТЕКСТЕ
САМОПОНИМАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

И.А. АПОЛЛОНОВ, О.Р. ТУЧИНА

*Кубанский государственный технологический университет,
350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2,
электронная почта: tuchena@yandex.ru*

В статье исследуется историческая перспектива самопонимания национальной идентичности. Исследуется соотношение концептов «историческое сознание», «историческая память», «исторический опыт». Показано, что национальная идентичность имманентно содержит в себе историческое сознание, которое представляет собой связывание времён, сплетение прошлого и будущего в настоящем. Историческое сознание непосредственно связано с исторической памятью, соединяющей в себе знание о прошлом и его историческую значимость. Человекообразующая сторона исторической памяти непосредственно связана с феноменом исторического опыта как особого переживания человеком сопричастности с историей своего народа. Исторический опыт открывает человеку как присутствие прошлого в настоящем, так и дистанцию между ними как особыми мирами «тогда» и «теперь». В этом переживании «между-мирного зазора» происходит попытка ухватить те фундаментальные ценности, определяющие осмысление человеком своей национальной идентичности.

Ключевые слова: исторический опыт, историческое сознание, историческая память, национальная идентичность, самопонимание.

Исследование феномена национальной идентичности является общегуманитарной проблемой, что определяется многогранностью национальной идентичности как социокультурного явления. Субъект национальной идентичности по сути своей историчен. В этом его отличие от квиентистско-потребительской позиции представителя массовой культуры, который ориентирован на всегдашнее «теперь», а потому заботится о постоянстве своей «моложавости». Подобная историчность связана с переживанием того, что я живу не просто «сегодня» (в плоскости своей физической биографии, от рождения до смерти), а направляюсь из своего дофизического «вчера» в постфизическое «завтра», и это переживание фундирует метафизическую вертикаль человеческой жизни, в которой предки и потомки обретают для него особую сакральную значимость.

В данном контексте историческое прошлое – это не то, чего нет, а, наоборот, то, что было, из чего сбылось «сегодня», и из чего сбывается «завтра». Сакральность прошлого, поэтому, связана с фундаментом, основанием, корнями нынешней жизни, тем, что определило и продолжает определять бытийную устойчивость настоящего, как того, что сбылось, свершилось, а не просто есть как что-то случайно случившееся. Поэтому историческое сознание не может быть сведено лишь к тем или иным формам осознания прошлого. Его специфику определяет не представления о прошлом, а личностное переживание сакральности прошлого. Ключевым в этом феномене является усмотрение и ощущение связи времён: «осознание обществом, классом, социальной группой своей исторической идентичности, своего положения во времени, связи своего настоящего с прошлым и будущим» [5, с.15]. Именно эта черта, эксплицированная И.С. Коном еще в 60-е годы, становится общим местом в целом ряде последующих определениях этого феномена [6, с.18-23], и является главным признаком исторического сознания.

Конец историчности сознания, напротив, представляет разрушение связи времён, при котором обнаруженное в настоящем состояние мира оказывается выпавшим из смыслового целого и из связи с прошлым и будущим. При этом, понимается, прошлое продолжает тщательно исследоваться, архивироваться и музеефицироваться; воспроизводиться в теоретических конструктах, учебных курсах и мифологемах обыденного сознания. Однако оно перестаёт быть наследством и перестаёт восприниматься как сбывшееся. По меткому выражению П. Рикёра, историю событий сменила история интерпретаций [13]. А интерпретация, которая рассматривается как самоценность, заменяющая собой историческое событие, превращает последнее в бесплотный симулякр, не имеющий никаких прав в настоящем.

Таким образом, в контексте национальной идентичности историчность сознания обладает, прежде всего, онтологическим статусом. В центре внимания исторического сознания оказывается способность к связи времён, ощущение себя наследником исторической традиции, что и определяет человека в

качестве субъекта национальной идентичности. Фактуальные знания о прошлом в данном контексте обладают символическим характером, манифестацией подобной связи.

Онтологический аспект исторического сознания неразрывно связан с его аксиологическим измерением, поскольку прошлое в данном контексте обладает особой сакральной значимостью. Вместе с тем, сакральность прошлого имеет неравномерный характер: те или иные исторические события обладают разной степенью значимости. Поэтому историческое сознание по сути своей избирательно. Такой отбор социокультурных ценностей, остающихся как «исторический багаж», обусловлен общественной целесообразностью и объективной необходимостью на каждом отрезке исторического развития народа. Вместе с тем, подобный багаж не является некой данностью. Сама суть такой избирательности требует личностного усилия, участного отношения к прошлому, которое направлено, прежде всего, не на каталогизацию исторических событий, а к выявлению их значимости. Соответственно, обращённость к прошлому имманентно содержит в себе оценку этого прошлого. В этом как раз и состоит связывание времён, сплетение прошлого и будущего в настоящем.

Данный аспект исторического сознания тоже присутствует в основных подходах к осмыслению этого феномена, начиная с Ю.А. Левады, определившего его как общественную форму воспроизведения и оценки своего прошлого [7, с. 305]. Ценностно-оценочная природа исторического сознания определяет ещё одну его специфическую черту. Ведь если история не знает сослагательного наклонения, то историческое сознание, напротив, имманентно содержит его, поскольку без обращения к горизонту исторических возможностей невозможно оценить масштаб и значение произошедших событий. И значимость того, что сбылось, проявляется лишь на фоне того, что могло бы сбыться. Тем самым диалог с прошлым имплицитно содержит в себе диалог возможностей.

Оценочный характер исторического сознания, в свою очередь, соединяет аксиологический аспект данного феномена с его гносеологической стороной. Причём познавательная функция исторического сознания направлена не столько на фиксацию фактуальной стороны исторических событий, сколько сосредоточена на их осмыслении. В таком подходе открывается личностное отношение к прошлому своего народа, стремление увидеть за объективной данностью ставшего воплощение определенной идейной заданности, которая способна отличить как в прошлом, так и в настоящем подлинно сущее от наносного и случайного. При таком отношении человек воспринимается не как социальный актер, а в качестве субъекта исторического процесса, который не просто «оживляет» в своём сознании картинки прошлого или же составляет из них, как из пазлов, единое историческое полотно, но, прежде всего, соединяет *собой* разорванность прошлого и настоящего, замыкая на себя открытость истории своего народа. Именно такая субъектность в отношении к прошлому позволяет открыть человеку свою со-временность и, тем самым, развернуть диалог времён.

С одной стороны, такой диалог обращён в прошлое из сегодняшнего дня, который заставляет ставить актуальные для нас вопросы и получать нетривиальные на них ответы [14, с.184]. Но верно и другое: в диалоге времён важно расслышать обращенный к нам голос предков. В данном аспекте, актуальность диалога связана с нашей способностью искать в прошлом те вопросы, ответы на которые определяют нашу сегодняшнюю ответственность. Ответственность, которая по сути своей является ответом на зов предков. В таком диалоге завязываются в единый узел прошлое, настоящее и будущее. В нем достигается целостность истории как традиции. И историческая правда представляет собой горизонт, объемлющий такое соотношение. В этом смысле попытка прикоснуться к исторической правде, соучаствовать в диалоге времен делает человека более современным, чем до обращения к прошлому.

Историческое сознание непосредственно связано с исторической памятью. Причём подобная связь диалектична: с одной стороны, историческая

память – это продукт группового сознания. Поэтому историческая память зависит от сфокусированности сознания, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Тем самым историческая память образует особое интеллигентное пространство, наделяющее человеческое бытие конкретными смыслами, символами, ориентирами [3, с. 79-80]. В этом отношении нельзя полностью согласиться с позицией Б.Г. Могильницкого, утверждающего, что историческая память отвечает за сохранение информации о прошлом, а историческое сознание – за способы её интерпретации [10]. Прошлое, будучи содержанием исторической памяти, уже предистолковано. Исторической памяти свойственна избирательность: она делает акценты на отдельные исторические события, игнорируя другие. Причём подобная избирательность всякий раз возобновляется в соответствии с потребностями сегодняшнего дня. И в этом смысле Б.Г. Могильницкий прав, поскольку наряду с актуальным, «рабочим» уровнем памяти в ней наличествуют и латентные, не востребованные для сегодняшнего дня слои. А предистолкованность событий не обладает однозначностью, но несёт в себе возможность различных, порой диаметральных истолкований, поскольку историческая память есть продукт исторического сознания, диалогичного по своей природе, сотканного из множества со-мнений.

Поэтому историческая память, аналогично памяти культурной, носит синусоидальный характер, представляющий собой череду исторического «как бы забывания» и «припоминания» [9, с. 200]. В такой синусоиде проявляется подчёркиваемая Ю.М. Лотманом креативность памяти, при которой обращение к прошлому неразрывно связано с порождением новых явлений. Память при этом выступает «не складом, а генератором»: осмысленность прошлого в ней не хранится, а прорастает будущим [9, с. 202].

Креативность исторической памяти неразрывно связана с таким её свойством, как диалогизм, дискуссионность, наличие в ней различных точек зрения, в которых выражен личностный, участный характер исторического

сознания. И даже досконально изученный, общепризнанный и несомненный характер фактической канвы исторического процесса при этом «взрывается» множеством со-мнений в интерпретации тех или иных событий (яркий пример: «Великая Октябрьская социалистическая революция» – «Октябрьский переворот»). Подобная предзаданность диалога определяет жизненную энергию исторической памяти, которая противостоит мертвящей силе идеологического монолога в трактовке истории.

Вместе с тем, диалогический потенциал исторической памяти не является какофонией множества не слушающих друг друга интерпретаций (хотя и может в такую какофонию перерасти). Подлинный диалог создаёт единое смысловое пространство, поскольку такая полемика, выражающая различные, подчас противоположные точки зрения и вырастающие из них противоборствующие интерпретации сходятся в попытке ухватить ту самую правду истории, которая одна на всех, и которую нельзя подменить в угоду кому бы то ни было, потому, что это то, что сбылось, то, что стало частью нашего «мы». В этой подлинности и сосредоточена та сакральность прошлого, которая определяет истинность настоящего и будущего. Подлинность прошлого, правда истории имеет особое значение, как для бытия народа, так и для самосознания человека. И смысловое пространство интерпретационного диалога со-мнений исторической памяти представляет собой поле битвы за правду истории в её со-бытийности.

С другой стороны, историческая память, в которой представлен общий опыт, пережитый народом, обладает определенной метавременной устойчивостью, которая не связана непосредственно с сиюминутными запросами сегодняшнего дня, что признают даже представители социального конструктивизма: «прошлое в некоторых отношениях упорно сопротивляется попыткам его перекроить» [16, р. 107]. В исторической памяти сосредоточено знание о том существенно важном национальном прошлом, что обладает сакральной значимостью и определяет преемственность исторической традиции народа, являясь важнейшей составляющей самоидентификации индивида и общества. Тем самым, историческая память выступает

своеобразным стабилизатором в переходные периоды развития общества, во время «раскачивания лодки современности». В данном контексте, наоборот, историческая память является тем пространством, в котором формируется историческое сознание человека, его этнокультурная и национальная идентичность.

Священный характер прошлого, определяющий вневременную подлинность народного «мы», воспроизводится в определенных пространственно-временных локусах меморизации, аккумулирующих историческую память народа. Такие локусы французский исследователь П. Нора определяет как «места памяти». К ним он относит музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, монументы: всё то, что является свидетелем другой эпохи, или призвано напоминать о ней [12, с. 26]. Места памяти являются своеобразными точками опоры, которые удерживают переживание священного характера народного «мы» посредством воспроизводства сакральности прошлого. В данном контексте историческая память выступает в качестве участника диалога, обращенного к личности человека, открывающее ему историческое наследие и вменяющее ему историческую ответственность. Тем самым традиция исторической памяти народа фундирует историчность сознания человека, который замыкает на себе связь времен.

Подобная человекообразующая сторона исторической памяти непосредственно связана с феноменом исторического опыта, который представляет собой присутствие прошлого в настоящем, его обнаружение, явленность. Ведь именно в опыте человек способен непосредственно прикоснуться к правде истории, и, тем самым, запустить процесс человекообразования человека в пространстве его этнокультурной идентичности.

В историческом опыте человек открывает непосредственную данность сбывшегося. Соответственно, решающую роль в нем играет конкретное и уникальное содержание прошлого: «историческая реальность есть прежде всего

реальность конкретная, а не абстрактная ... всё подлинно историческое имеет индивидуальный и конкретный характер» [4, с. 12-13]. Тем самым нём важна именно конкретность переживания людьми исторических событий. Причем подобная сторона исторического опыта обладает двойной конкретностью: в нём переплетены уникальность событийного ряда с уникальностью человеческого переживания этой событийности. Такую конкретность неартикулируемых ощущений чувств и представлений, присущих этнофорам, Ф. Р. Анкерсмит рассматривает в метафоре «стоны цивилизации», которые есть то, что они суть, и, обладая сокрушающей мощью и интенсивностью, непрерывным фоновым звучанием сопровождают думы и деяния данной цивилизации [1, с. 276]. Непосредственная данность таких переживаний, выражающих отпечатки столкновения моего народа с миром, предшествует субъект-объектной дихотомии познавательного дискурса, «экстрактирующего» уроки истории. Исторический опыт в данном аспекте представляет собой не эпистемологическую процедуру, устанавливающую соответствие знания о прошлом тем или иным историческим событиям, а онтологический акт, в котором прошлое свидетельствует о самом себе.

Именно этот аспект исторического опыта обращен к сердцевине субъектных структур самосознания этнокультурной идентичности, поскольку истина подобного опыта требует вовлечения всей нашей личности. Эта истина размещается в человеческом экзистенциальном времени и обнаруживается во «внезапной вспышке», если мы к этой истине восприимчивы [1, с. 293]. Поэтому восприимчивость человека к звучанию прошлого является необходимым компонентом такого звучания. Соответственно, исторический опыт, открывающий человеку «стоны цивилизации», рождает в нём историческое сознание, которое, в свою очередь, являющееся «нервом» такого «стоны».

Таким образом, субъектная сторона исторического опыта связана с личностным переживанием сопричастности человека к истории своего народа и страны, непосредственным переживанием подлинности прошлого в настоящем.

Он обращен к феномену историчности сознания человека, тому, что его задевает и заставляет осознавать прошлое. В данном контексте исторический опыт представляется необходимым элементом человекообразования человека и играет ключевую роль в процессах формирования национальной грани личностной идентичности.

Вместе с тем, конкретность исторического опыта не сводится лишь к фактуальному ряду события прошлого. В опыте, прежде всего, присутствует человек как субъект истории, её творец, который утверждает себя, свои мечты, чаяния, идеалы. Поэтому открывающееся в опыте историческое событие представляет собой встречу и соединение субъективного замысла (точнее, замысла intersубъективного, диалогичного, полемичного), направленного на утверждение вневременного Абсолюта, и личностные усилия для реального воплощения этого замысла в контексте объективных исторических условий. Здесь происходит взаимное оплотнение идеи и факта. Реальность события, его завершенная данность доопределяет, конкретизирует абстрактность идейной заданности, лежащей в основе его телоса – той цели, которая формирует событие как определённую целостность. Но эта же идейная заданность, в свою очередь, придаёт историческому событию метафизическую незавершенность, ведь идейность в своей устремлённости к Абсолюту размыкает конкретно-историческое сущее к вневременному должному.

Из этого возникает необходимость сослагательности при интерпретации исторической событийности, поскольку обозначенное выше соединение в такой событийности идеи и факта – не детерминированная предопределенность, а телеологическая недоопределённость, требующая личностного усилия и расположенности духа человека. Сослагательный характер интерпретации исторического события и выявляет смысл такого личностного усилия в контексте возможных траекторий исторической событийности. Подобная сослагательность смысла имплицитно присутствует в историческом опыте, в котором человек переживает сбывшееся как драматическое исполнение возможного на сцене объективных условий и исторических обстоятельств.

Такой драматизм утверждения исторических форм бытия, в свою очередь, «высвечивает» достоинства и пороки человеческой природы, которая присуща мне в той же мере, как и моим предкам, но которую мы реализуем в разных исторических обстоятельствах. Именно такая сопряженность предков и потомков, их причастность к единому Логосу в онтологии человеческого бытия и является пространством исторического опыта, где отношение человека к сущему есть в своей сути связь человека с бытием [15]. Подобная связь выводит за рамки наличных форм действительности, показывает их неполноту. Здесь человек оказывается в точке пересечения устремления к абсолютности идеала, напряжения поиска смысла, и конкретности реализации такого устремления, его утверждения в обустройстве своего мира.

В данном контексте целостность исторического опыта состоит в узрении прошлого как особого мира «тогда» (например, «Сороковые роковые» или «Лихие девяностые»), который воспринимается в противоположность миру настоящего «теперь», как событийную устойчивость конкретной эпохи, тоже обладающей ненулевой длительностью. В итоге современность предстаёт не только как результат исторического развития, но и как нечто новое по отношению к нему, содержащее прошлое в диалектически снятом виде. Соответственно, в историческом опыте присутствует не только прикосновение к прошлому, но и переживание дистанции с этим прошлым, зазора между «тогда» и «теперь» [1, с. 368]. И этот зазор, подобно вилке камертона, позволяет расслышать описанный выше «стон цивилизации», который порождает чувства, эмоции личностной сопричастности судьбе своего народа, такие, как ностальгия, гордость или травма, боль, стыд. Такие переживания, при которых прошлое и настоящее поворачиваются лицом друг к другу, Фр. Р. Анкерсмит метафорически именуется «Поцелуй прошлого» - сокровеннейший и интимнейший контакт, дарующий человеку ощущение правды и подлинности, где прошлое с ошеломительной прямоотой и непосредственностью открывается в своей квазиоуменальной нагоде [1, с. 181-186].

Соответственно, исторический опыт воплощает в себе экзистенциальную невыразимость непосредственного ощущения собственной связи с бытием, объемлющем «теперь» и «тогда». Метафора «Поцелуй прошлого» подчёркивает мистический характер такого прикосновения к прошлому, при котором (как и в реальной страсти поцелуя) человек «теряет голову», т.е. монадическую замкнутость собственного Я, присутствующего в мире «здесь и теперь», и в этом смысле он раскрывается навстречу миру и растождествляется в потоке времён. Но вместе с тем переживания исторического опыта несут в себе ценностную нагруженность, приобщающую человека к Логосу истории. И в этом приобщении человек, напротив, «находит голову», т.е. обретает аксиологические ориентиры собственной субъектной позиции в мире.

В данном контексте имманентной чертой живого исторического опыта, свойством его межвременной целостности является способность человека действовать в настоящем, опираясь на творческий заряд традиции прошлого. По образному выражению Ф. Ницше, историческое чувство – это ощущение стволом дерева собственных корней. И сила такого чувства измеряется величиной и мощностью видимых для него ветвей [11, с. 176]. Соответственно, исторический опыт, разворачивающийся в пространстве «между-мирного зазора», в своей целостности не разделяет в сознании человека мир «тогда» и «сейчас», а напротив, соприкасает человека с Логосом истории в его конкретной миростроительной практике, в которой с реальностью, зримостью, отчётливой наглядностью открывается идея, фундирующая истину личностного бытия человека в его национальном и этнокультурном измерении. В этом переживании «между-мирного зазора» происходит попытка ухватить те фундаментальные ценности, определяющие мир человека в его подлинности и открывающие его судьбу как соучастие в общем деле миростроительства.

Таким образом, исторический опыт, в котором происходит эмоциональное переживание генетической связи настоящего с прошлым в неразрывной связи с дистанцией между ними, раскрывает национальную идентичность как определённую личностно значимую и общественно

ориентированную точку зрения, в которой человеку открывается священное таинство связи времён [2]. В этом контексте человек становится не только актором повседневных практик или звеном в цепи традиции, но обретает авторскую позицию, позволяющую, в соавторстве с другими людьми, осмыслить и связать воедино прошлое и настоящее перед лицом непредсказуемого будущего.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 16-26-20003 а(м) «Психологический аспект самопонимания национальной идентичности в контексте исторического опыта на постсоветском пространстве (на материале исследования молодежи России и Армении)».

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М«Европа», 2007. – 612 с.
2. Аполлонов И.А., Тучина О.Р. Исследование личностно-смысловых аспектов самопонимания российской идентичности // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ», № 3, 2015 год - URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/353>
3. Бадмаев В.Н. Ментальность и историческая память // Вестник Калмыцкого университета, 2012, № 1(12). С. 78 – 85.
4. Бердяев Н.А. Смысл истории. М. «Мысль», 1990. – 176 с.
5. Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии. М.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного Института, 2000. – 320 с.
6. Кон И.С. Проблема истории в истории философии //Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 4. Томск, 1966.-с. 14 – 55.
7. Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Памяти Юрия Александровича Левады. М., 2011. – с. 298 – 352.
8. Леопа А.В. Историческое сознание в условиях социокультурного кризиса. Красноярск, 2011. – 134 с.

9. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении. // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. – с. 200 – 202.

10. Могильницкий Б.Г. Историческое познание и историческое сознание // Историческая наука и историческое сознание. Томск, 2000. С. 34–67.

11. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни /Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. с. 158 – 230.

12. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. с. 17-50.

13. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

14. Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. История. №1 (21). 2013. С. 183-190.

15. Хайдеггер М. «Европейский нигилизм» [Электронный ресурс] –Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/look/xxa/europa-nigilism/?curPos=8>

16. Schudson M. The present in the Past versus the Past in the Present // Communication. 1989. № 11. P. 105 – 113.

REFERENCES

1. Ankersmit F.R. Vozvyshennyuy istoricheskiy opyt. М«Evropa», 2007. – 612 s.

2. Apollonov I.A., Tuchina O.R. Issledovanie lichnostno-smyslovykh aspektov samoponimaniya rossiyskoy identichnosti // Elektronnyy setevoy politematicheskiy zhurnal «Nauchnye trudy KubGTU», № 3, 2015 god - URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/353>

3. Badmaev V.N. Mentalnost i istoricheskaya pamyat // Vestnik Kalmytskogo universiteta, 2012, № 1(12). S. 78 – 85.

4. Berdyaev N.A. Smysl istorii. М. «Mysl», 1990. – 176 s.

5. Kasavin I.T. Traditsii i interpretatsii: Fragmenty istoricheskoy epistemologii. М.: Izd-vo Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo Instituta, 2000. – 320 s.

6. Kon I.S. Problema istorii v istorii filosofii //Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoy nauki. Vyp. 4. Tomsk, 1966.-s. 14 – 55.
7. Levada Yu.A. Istoricheskoe soznanie i nauchnyy metod // Pamyati Yuriya Aleksandrovicha Levady. M., 2011. – s. 298 – 352.
8. Leopa A.V. Istoricheskoe soznanie v usloviyakh sotsiokulturnogo krizisa. Krasnoyarsk, 2011. – 134 s.
9. Lotman Yu.M. Pamyat v kulturologicheskom osveshchenii. // Lotman Yu.M. Izbrannyye stati. T. 1. Tallinn, 1992. – s. 200 – 202.
10. Mogilnitskiy B.G. Istoricheskoe poznanie i istoricheskoe soznanie // Istoricheskaya nauka i istoricheskoe soznanie. Tomsk, 2000. S. 34–67.
11. Nitshe F. O polze i vrede istorii dlya zhizni /Sochineniya: V 2 t. M., 1990. T. 1. s. 158 – 230.
12. Nora P. Problematika mest pamyati // Frantsiya-pamyat / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. s. 17-50.
13. Riker P. Pamyat, istoriya, zabvenie. M.: Izdatelstvo guma-nitarnoy literatury, 2004. – 728 s.
14. Syrov V.N. V kakom istoricheskom soznanii my nuzhdaemsiya: k metodologii podkhoda i praktike ispolzovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. №1 (21). 2013. S. 183-190.
15. Khaydegger M. «Evropeyskiy nigilizm» [Elektronnyy resurs] –Rezhim dostupa: <http://www.nietzsche.ru/look/xxa/europa-nigilism/?curPos=8>
16. Schudson M. The present in the Past versus the Past in the Present // Communication. 1989. № 11. P. 105 – 113.

HISTORICAL CONSCIOUSNESS, HISTORICAL MEMORY AND HISTORICAL EXPERIENCE: THE RATIO OF CONCEPTS IN THE CONTEXT OF SELF-UNDERSTANDING OF NATIONAL IDENTITY

I.A. APOLLONOV, O.R. TUCHINA

*Kuban State Technological University,
2, Moskovskaya st., Krasnodar, Russian Federation, 350072,
e-mail: tuchena@yandex.ru*

This article examines the historical perspective of self-understanding of national identity. Explores the relationship of the concepts of historical consciousness, historical memory, historical experience." It is shown that national identity is inherently contains a historical consciousness, which is a bondage of times, the interweaving of past and future in the present. Historical consciousness is directly related to the historical memory that combines the knowledge of the past and its historical significance. Forming human side of historical memory is directly connected with the phenomenon of historical experience as a special experience by human involvement with the history of his people. Historical experience reveals to man how the presence of the past in the present, and the distance between them. In this way an attempt is made to realize fundamental values that determine the understanding by a person of their national identity.

Key words: historical experience; historical consciousness; historical memory; national identity; self-understanding.